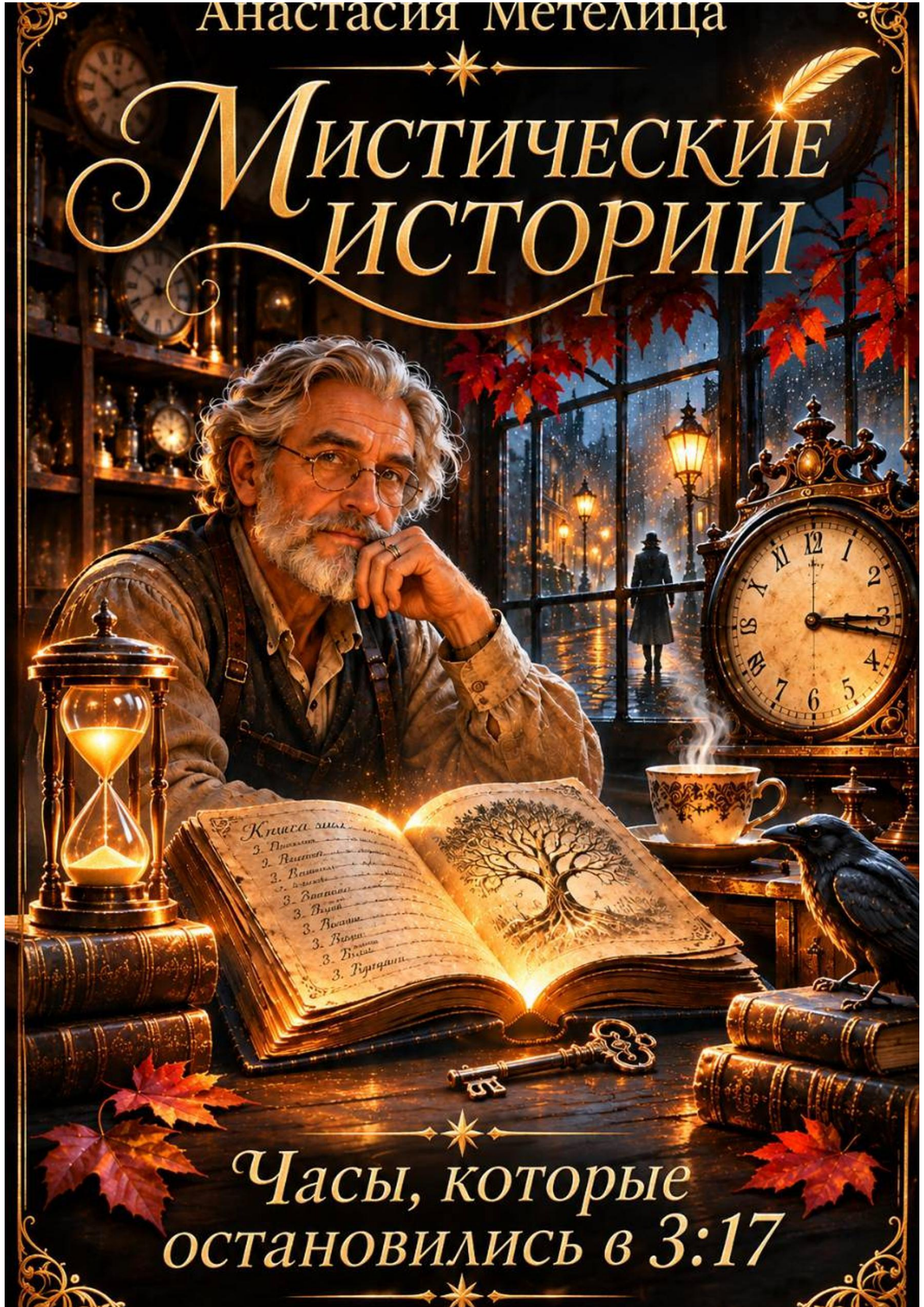
Анастасия Метелица

Мистические истории

Часы, которые остановились в 3:17

Анастасия Метелица

Мистические истории. Часы, которые остановились в 3:17

«Автор»
2026

Метелица А.

Мистические истории. Часы, которые остановились в 3:17 /
А. Метелица — «Автор», 2026

Что, если время не забирает у нас любимых людей навсегда? Что, если однажды оно возвращает нам возможность услышать слова, которые так и не были произнесены?После смерти матери тридцативосьмилетняя Вера возвращается в родительский дом. Здесь всё напоминает о прошлом, от которого она пыталась убежать двадцать два года.Но однажды старинные часы, молчавшие много лет, неожиданно оживают и останавливаются на 3:17.Загадочный часовщик, письма, которые никто не отправил, женщина в сером пальто и семейная тайна постепенно меняют всё, что Вера знала о жизни своих родителей.Ей предстоит понять: иногда самое трудное — не простить другого человека, а простить себя.«Часы, которые остановились в 3:17» — мистическая история о любви, памяти, прощении и времени, которое продолжает жить в наших сердцах.

© Метелица А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

В дар моим читателям 5
Пролог. Там, где время хранит чужие тайны 6
Глава первая. Женщина, которая не умела плакать 10
Глава вторая. Дом, в котором осталось время 14
Глава третья. Часовщик, который помнил её отца 22
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Анастасия Метелица
Мистические истории. Часы, которые остановились в 3:17

Посвящаю эту книгу моим любимым родителям.

В дар моим читателям

Эта история — мой подарок вам.

Возможно, однажды её страницы помогут кому-то найти слова, которые так долго оставались несказанными, простить себя или просто вспомнить, что настоящая любовь не исчезает вместе со временем.

С любовью, Анастасия Метелица

Пролог. Там, где время хранит чужие тайны

Говорят, время лечит.

Но никто никогда не спрашивал у самого времени, согласно ли оно с этим утверждением.

Возможно, именно поэтому люди так часто ошибаются.

Они думают, что прошлое осталось позади. Что несказанные слова растворились в воздухе, непрожитые чувства умерли вместе с ушедшими годами, а сделанный однажды выбор навсегда закрыл двери, за которыми осталась другая жизнь.

Но что, если ничего не исчезает?

Что, если каждое наше решение, каждая встреча, каждое невысказанное признание продолжает существовать где-то за тонкой, почти невидимой границей привычного мира?

И однажды эта граница открывается.

В старой части города, где узкие улицы ещё помнили шаги людей, давно превратившихся в фотографии, стоял небольшой дом.

Он был зажат между бывшей аптекой и книжной лавкой, закрывшейся много лет назад.

На первом этаже находилась часовая мастерская.

Над её дверью висела потемневшая медная вывеска:

«А. С. Часовых дел мастер».

Никто не помнил, когда она появилась.

Старожилы утверждали, что мастерская существовала ещё до войны. Некоторые говорили, что и раньше. А один пожилой библиотекарь однажды обнаружил на фотографии города столетней давности ту же самую дверь, ту же вывеску и человека, стоявшего у окна.

Человек удивительно походил на нынешнего владельца.

Но библиотекарь решил, что это случайность.

Люди вообще склонны называть случайностью всё, чему не могут найти объяснения.

Хозяина мастерской звали Аркадий Семёнович.

На вид ему было около семидесяти лет.

Высокий, худощавый, с серебристыми волосами, аккуратно зачёсанными назад, он всегда носил тёмный жилет, белую рубашку и старинные карманные часы на тонкой цепочке.

У него были необычные глаза.

Не цветом — обычные серые глаза пожилого человека.

Необычным был взгляд.

Казалось, Аркадий Семёнович видел не только того, кто стоял перед ним, но и человека, которым тот когда-то был. И, возможно, того, кем ему ещё предстояло стать.

В мастерской находились сотни часов.

Настенные, напольные, карманные, наручные.

Одни были украшены позолотой, другие покрылись трещинами. Некоторые выглядели так, словно их только что принесли из магазина. Другие, казалось, пережили несколько человеческих жизней.

И все они шли.

Кроме одних.

Небольшие часы в деревянном корпусе стояли на самой верхней полке, за стеклянной дверцей старинного шкафа.

Их стрелки замерли на отметке 3:17.

Аркадий Семёнович никогда не пытался их завести.

Однажды поздним ноябрьским вечером в мастерскую вошёл мальчик лет десяти.

За окном шёл мокрый снег. Фонари отражались в лужах, а город торопился домой, пряча лица в воротники пальто.

Мальчик держал в руках маленький будильник.

— Вы можете его починить? — спросил он.

Аркадий Семёнович отложил увеличительное стекло.

— А что с ним случилось?

— Он остановился.

— Все часы когда-нибудь останавливаются.

— Но эти нельзя оставлять сломанными.

Старик внимательно посмотрел на ребёнка.

— Почему?

Мальчик опустил глаза.

— Они мамины. Она умерла весной. А вчера часы перестали идти. Я боюсь, что теперь забуду её голос.

Аркадий Семёнович долго молчал.

Потом протянул руку.

— Дай-ка посмотреть.

Он открыл заднюю крышку будильника, осторожно коснулся тонкого механизма и вдруг спросил:

— А ты помнишь, как она смеялась?

Мальчик кивнул.

— Помнишь, как она звала тебя утром?

— Да.

— А как пахли её волосы, когда она обнимала тебя?

Мальчик всхлипнул.

— Лавандой.

Старик закрыл крышку часов.

— Тогда почему ты решил, что её голос живёт внутри этого будильника?

Мальчик растерянно посмотрел на него.

— Не знаю.

— Память, мой дорогой, — это не вещь, которую можно потерять вместе со сломанными часами. Иногда она прячется так глубоко, что нам кажется, будто исчезла. Но достаточно одного запаха, одного слова, одной мелодии — и она возвращается.

Он повернул заводной ключ.

Будильник тихо затикал.

Мальчик улыбнулся впервые за весь вечер.

— Сколько я вам должен?

— Ничего.

— Совсем?

— Когда-нибудь ты сделаешь для другого человека то, что сегодня сделал для тебя я.

— Починю часы?

Аркадий Семёнович едва заметно улыбнулся.

— Нет. Поможешь ему вспомнить то, что он боится забыть.

Мальчик ушёл.

Колокольчик над дверью звякнул, и мастерская вновь погрузилась в тишину.

Но старик ещё долго смотрел на закрытую дверь.

Потому что он знал то, чего не знал мальчик.

Иногда память действительно можно потерять.

И иногда она возвращается совсем не так, как мы ожидаем.

В полночь Аркадий Семёнович погасил лампы.

Осталась гореть только одна — на письменном столе у окна.

Он достал из нижнего ящика толстую книгу в потёртом кожаном переплёте.

На обложке не было названия.

Лишь маленький знак, похожий на круг, внутри которого пересекались две стрелки.

Старик раскрыл книгу.

На пожелтевших страницах были записаны имена.

Сотни имён.

Рядом с каждым стояла дата, а иногда — время.

Некоторые записи были сделаны чернилами. Другие выглядели так, будто проступили сквозь бумагу сами.

Аркадий Семёнович перевернул несколько страниц и остановился.

На чистом листе медленно появлялись буквы.

Сначала одна.

Потом другая.

Он не удивился.

Только снял очки и устало провёл рукой по лицу.

На странице возникло имя:

Вера.

Ниже проступили цифры.

3:17.

Старик закрыл глаза.

— Значит, пришло время, — тихо произнёс он.

В глубине мастерской что-то щёлкнуло.

Он поднял голову.

Часы за стеклянной дверцей шкафа, неподвижные много лет, дрогнули.

Минутная стрелка сдвинулась на одно деление.

А затем остановилась вновь.

Аркадий Семёнович медленно встал.

Подошёл к шкафу и положил ладонь на холодное стекло.

— Ты слишком долго ждал, старый друг, — прошептал он.

За окном внезапно стих ветер.

И на несколько мгновений произошло нечто невозможное.

Все часы в мастерской остановились одновременно.

Сотни механизмов замолчали.

Город за окном продолжал жить, но здесь, среди старого дерева, меди и пожелтевших страниц, время словно задержало дыхание.

А потом раздался один-единственный удар.

Глухой.

Тяжёлый.

Похожий на стук в дверь, за которой никого не должно быть.

Аркадий Семёнович вернулся к столу.

На раскрытой странице под именем Веры появилась ещё одна строка:

«Не всякая потеря означает конец. Иногда это начало возвращения».

Он долго смотрел на эти слова.

Затем взял перо и собственноручно дописал:

«Но возвращение всегда требует выбора».

На следующее утро мастерская открылась ровно в девять.

Аркадий Семёнович расставил инструменты, протёр стекло витрины и поставил чайник.

Город просыпался.

Люди спешили на работу, покупали кофе, раздражались из-за опозданий, строили планы и не подозревали, насколько хрупкой бывает граница между вчера и завтра.

Старик посмотрел на часы.

Без трёх минут девять.

Он улыбнулся.

Сегодня к нему должна была прийти женщина.

Она принесёт старые часы, которые остановились в ту ночь, когда умер её отец.

Она будет уверена, что пришла всего лишь к часовщику.

И ещё не будет знать, что некоторые встречи назначаются задолго до нашего рождения.

Аркадий Семёнович поправил жилет.

За дверью послышались шаги.

Колокольчик тихо звякнул.

И первая история началась.

Время не всегда движется вперёд.

Иногда оно возвращается за теми, кто оставил в прошлом часть своей души.

И если однажды ваши часы остановятся без причины — не спешите их заводить.

Возможно, именно в эту минуту кто-то пытается достучаться до вас сквозь годы.

Глава первая. Женщина, которая не умела плакать

Когда умерла мать, Вера подумала об утюге.

Мысль была нелепой, почти оскорбительной. Она возникла в тот самый момент, когда врач, молодой мужчина с усталыми глазами, произнёс несколько осторожных слов о том, что медицина сделала всё возможное.

Вера смотрела на его губы и думала, что утром гладила белую блузку. Кажется, выключила утюг. А может быть, нет. Она торопилась, потому что из больницы позвонили раньше обычного, и голос незнакомой медсестры был слишком мягким.

— Вы меня слышите? — спросил врач.

— Да.

— Мне очень жаль.

Вера кивнула.

Она знала, что сейчас должна что-то почувствовать. Ужас. Отчаяние. Боль, от которой подкашиваются ноги. Всё то, что показывают в кино, когда человек узнаёт о смерти близкого.

Но внутри было тихо.

Так тихо, словно кто-то выключил звук.

За окном больничного коридора шёл дождь. Сентябрьский, холодный, бесконечный. Он стекал по стеклу длинными прозрачными дорожками, и Вера вдруг вспомнила, как в детстве любила наблюдать за каплями и загадывать, какая первой доберётся до подоконника.

Мать тогда говорила:

— Не сиди у окна, простудишься.

И обязательно приносила шерстяные носки.

Теперь никто не принесёт.

Эта мысль оказалась гораздо страшнее слов врача.

Вера отвернулась.

— Мне нужно позвонить дочери, — сказала она.

Хотя дочери звонить не собиралась.

Алисе было семнадцать.

Три недели назад они поссорились так сильно, что с тех пор разговаривали только короткими сообщениями, да и те касались исключительно бытовых вопросов.

Причиной стал университет.

Алиса хотела поступать в другом городе.

Вера была категорически против.

— Ты представляешь, что значит жить одной? — спрашивала она. — Чужой город, общежитие, незнакомые люди. Ты ещё ребёнок!

— Мам, мне почти восемнадцать!

— Именно. Почти.

— Ты просто не хочешь, чтобы я уехала.

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Нет, мама. Ты хочешь, чтобы я всегда делала так, как тебе удобно.

Эти слова ударили больнее, чем Вера ожидала.

Она ответила резко. Слишком резко.

Сказала, что пока дочь живёт под её крышей, последнее слово остаётся за матерью.

Алиса посмотрела на неё так, словно увидела впервые.

— Знаешь, мам, иногда мне кажется, что ты вообще не слышишь меня.

И ушла в свою комнату.

С тех пор между ними поселилась тишина.

Не та спокойная тишина, в которой люди понимают друг друга без слов.

Другая.

Тяжёлая.

Наполненная всем, что обе хотели сказать, но не решались.

Теперь, стоя в больничном коридоре, Вера вдруг подумала, что её собственная мать тоже когда-то боялась отпускать.

Боялась за неё.

Предупреждала.

Запрещала.

Контролировала.

И Вера ненавидела это.

А теперь сама произносила почти те же слова.

Мать звали Нина Павловна.

Ей было семьдесят два года, и последние десять лет она жила так, словно всё вокруг постепенно выходило из строя и требовало её немедленного вмешательства.

Соседи неправильно закрывали дверь подъезда. Управляющая компания плохо убирала снег. В магазинах продавали невкусный хлеб. Телевизионные ведущие говорили глупости. Вера слишком много работала, мало спала и совершенно не умела заботиться о себе.

— Ты опять без шапки? — спрашивала мать даже в апреле.

— Мам, мне тридцать восемь.

— И что? В тридцать восемь голова уже не мёрзнет?

Они часто ссорились.

Из-за пустяков.

Из-за того, что Вера редко приезжала.

Из-за того, что Нина Павловна слишком часто звонила.

Из-за старых вещей, которые мать отказывалась выбрасывать.

Из-за прошлого, о котором обе предпочитали не говорить.

Особенно из-за отца.

Его имя словно находилось под негласным запретом.

Стоило Вере вспомнить Николая Андреевича, как мать становилась напряжённой.

— Хороший был человек, — говорила она. — Царствие ему небесное.

И переводила разговор на погоду.

Вера давно перестала спрашивать.

Ей казалось, что мать просто не умеет говорить о чувствах.

Теперь она стояла в больничном коридоре и впервые задумалась: а вдруг Нина Павловна не молчала из холодности?

Вдруг она молчала потому, что некоторые воспоминания причиняют боль даже спустя двадцать два года?

Похороны прошли как будто без участия Веры.

Она подписывала документы, разговаривала с людьми, выбирала цветы, благодарила соседей.

Всё делала правильно.

Даже чёрное платье оказалось подходящим.

Алиса стояла рядом.

В чёрном пальто, которое делало её неожиданно взрослой.

Она держала мать за руку.

Вера чувствовала тепло её пальцев, но не знала, как ответить на это прикосновение.

В какой-то момент Алиса тихо сказала:

— Мам, если хочешь плакать, плачь.

Вера покачала головой.

— Всё нормально.

Алиса посмотрела на неё с такой грустью, что Вере захотелось обнять дочь.

Но она лишь поправила воротник её пальто.

— Застегнись. Холодно.

Алиса медленно отпустила её руку.

И Вера вдруг услышала собственную мать.

Тот же голос.

Те же слова.

Та же забота, за которой пряталось всё, что было слишком страшно произнести.

Вечером, когда все разошлись, Вера обнаружила на кухонном столе контейнер с домашними пирожками.

Кто-то из соседок принёс.

Вера открыла крышку.

Пирожки были с капустой.

Мать пекла такие каждое воскресенье.

Тесто у неё получалось мягким, почти воздушным. Вера никогда не спрашивала рецепт, хотя мать много раз предлагала записать.

— Потом, мам.

Всегда потом.

Вера взяла пирожок, откусила и вдруг поняла, что вкус совсем другой.

Не плохой.

Просто не мамин.

Она положила его обратно.

И долго стояла над столом.

Но не заплакала.

В начале ноября, спустя несколько недель после похорон, Вера приехала в материнскую квартиру, чтобы начать разбирать вещи.

Она обещала себе сделать это раньше, но всё время находились причины отложить.

Работа.

Усталость.

Плохая погода.

Необходимость купить новые пакеты для мусора.

На самом деле она боялась открыть дверь.

Потому что за этой дверью мать ещё существовала.

Не живая, но повсюду присутствующая.

В тапочках возле дивана.

В очках на подоконнике.

В недочитанной книге.

В маленькой записке на холодильнике:

«Купить хлеб, молоко, яблоки. Позвонить Вере».

Последний пункт был подчёркнут дважды.

Вера провела пальцем по бумаге.

— Мам…

Голос прозвучал чужим.

Она оторвала записку, сложила и положила в карман.

Потом прошла в гостиную.

И увидела часы.

Большие, старинные, в потемневшем деревянном корпусе.

Они висели над дверью, как висели всю её жизнь.

Стрелки показывали три часа семнадцать минут.

Вера остановилась.

Она не любила эти часы.

Но сейчас, глядя на них, неожиданно вспомнила отцовский голос:

— Слышишь, Верочка? Это дом разговаривает.

В детстве она верила, что у каждого дома есть сердце.

У их дома сердцем были часы.

А потом отец умер.

И сердце остановилось.

Двадцать два года назад.

В три часа семнадцать минут.

Вера ещё не знала, что именно в эту минуту её собственная жизнь тоже словно остановилась.

И что совсем скоро старые часы заставят её вспомнить то, от чего она столько лет пыталась убежать.

Глава вторая. Дом, в котором осталось время

Есть дома, из которых мы уходим навсегда. Но они продолжают жить внутри нас — со своими запахами, голосами и часами, которые однажды перестали идти.

Ключ повернулся в замке не сразу.

Вера попробовала ещё раз, чуть приподняв тяжёлую дверь за ручку. Замок недовольно щёлкнул, словно возражал против её возвращения, и наконец поддался.

Она вошла в квартиру матери и остановилась на пороге.

Здесь пахло сухими травами, старой мебелью и чем-то едва уловимым, что невозможно было назвать одним словом.

Домом.

Не тем домом, в котором она теперь жила с Алисой, где по утрам торопились, спорили из-за ванной и забывали на кухонном столе зарядные устройства.

Другим.

Тем, в котором когда-то помещалось всё её детство.

Вера закрыла за собой дверь.

В прихожей по-прежнему висело зеркало с потемневшими краями. Под ним стояла узкая тумбочка, на которой Нина Павловна всегда держала расчёску, крем для рук и маленькую фарфоровую кошку с отколотым ухом.

Кошку Вера разбила в семь лет.

Вернее, не разбила — уронила, когда пыталась достать с верхней полки коробку с новогодними игрушками.

Она тогда плакала так горько, словно совершила преступление.

Отец приклеил кошке ухо, но оно всё равно осталось немного кривым.

— Зато теперь она особенная, — сказал он. — Таких больше ни у кого нет.

Мать возмущалась, что вещь испорчена.

Но почему-то не выбросила её.

Ни тогда.

Ни через десять лет.

Ни через двадцать.

Вера взяла кошку в ладонь.

Фарфор был холодным.

— И тебя сохранила, — прошептала она.

Она поставила фигурку на место и прошла на кухню.

На столе лежала клеёнка с мелкими голубыми цветами. В сахарнице оставалось несколько кусочков рафинада. Возле окна стояла герань — старая, разросшаяся, с толстыми листьями и двумя ярко-красными цветками.

Вера машинально потрогала землю.

Сухая.

Она налила воды в кружку и осторожно полила растение.

Мать всегда говорила, что герань чувствует настроение людей.

— Если в доме ссорятся, она плохо цветёт.

Вера усмехнулась.

— Значит, ты была права не во всём, мам.

Герань цвела.

А они с матерью ссорились часто.

И всё же, оглядев кухню, Вера вдруг поняла: здесь не было ни одной вещи, выбранной случайно.

Каждая что-то помнила.

Кружка с выцветшими ромашками — её первый школьный завтрак.

Сколотая деревянная доска — отцовские воскресные бутерброды.

Потёртая прихватка — мамины пироги.

И маленькая трещина на подоконнике.

Её оставил отец, когда однажды пытался починить оконную раму.

— Пап, ты сломал!

— Нет, воробей. Я добавил дому характер.

Он всегда умел превращать неприятности в истории.

Мать — в обязанности.

А Вера, кажется, унаследовала от них обоих понемногу.

В гостиной было прохладнее.

Шторы оставались задёрнутыми, хотя за окном уже давно наступил день.

Вера раздвинула тяжёлую ткань.

Ноябрьский свет медленно заполнил комнату.

На книжных полках стояли собрания сочинений, старые альбомы и несколько фотографий в деревянных рамках.

На одной из них отец держал маленькую Веру на плечах.

Ей было года четыре.

Она смеялась, раскинув руки, а Николай Андреевич смотрел прямо в объектив с тем выражением счастливой растерянности, какое бывает у людей, ещё не привыкших к собственному счастью.

Вера провела пальцем по стеклу.

Она почти забыла, каким молодым он был.

В памяти отец всегда оставался взрослым, надёжным, умеющим всё на свете.

Но на фотографии ему было чуть больше тридцати.

Человек, который ещё столько всего собирался успеть.

Она поставила рамку обратно.

И снова посмотрела на часы.

Они висели над дверью.

Тёмный деревянный корпус, круглое стекло, латунные стрелки.

Три часа семнадцать минут.

Вера помнила их звук лучше, чем собственный детский голос.

Тик-так.

Тик-так.

По вечерам часы отбивали каждый час, и отец иногда шутил, что они слишком серьёзно относятся к своим обязанностям.

— Вот бы людям так, — говорил он. — Ни минуты зря.

— А ты сам? — спрашивала мать.

— А я, Ниночка, стараюсь не тратить время на то, что не стоит жизни.

— Например, на починку старых радиоприёмников?

— Особенно на них. Они хотя бы благодарно шипят.

Мать качала головой.

Но улыбалась.

Вера помнила эту улыбку.

Редкую.

Немного смущённую.

Совсем не похожую на ту строгую складку губ, с которой Нина Павловна прожила последние годы.

Когда именно мать перестала улыбаться так?

После смерти отца?

Или раньше?

Вера не знала.

Она слишком долго смотрела на мать глазами обиженного ребёнка, чтобы замечать в ней человека.

Часы остановились двадцать два года назад.

В ночь, когда умер Николай Андреевич.

Вере было шестнадцать.

Она помнила тот вечер обрывками.

Школьный концерт.

Пустое кресло в зрительном зале.

Собственное унижение.

Слова, которые она бросила отцу, когда он вернулся.

И его голос за закрытой дверью.

Но дальше память становилась ненадёжной.

Будто кто-то вырезал из неё несколько часов и аккуратно соединил края.

Она помнила мамин крик.

Свет в коридоре.

Чужих людей.

И часы.

Стрелки, застывшие на отметке 3:17.

Мать потом сказала, что механизм сломался.

Отец умер, а часы остановились.

Обыкновенное совпадение.

Нина Павловна не верила в знаки.

Она верила в лекарства, закрытые окна и необходимость вовремя оплачивать счета.

Но часы не выбросила.

И даже не позволила их починить.

— Пусть висят, — говорила она, когда Вера предлагала вызвать мастера.

— Зачем, если они не работают?

— Не всё должно работать, чтобы иметь право оставаться в доме.

Тогда Вера не поняла.

Теперь эти слова прозвучали иначе.

Она подошла к часам.

Стекло было покрыто тонкой пылью.

На нижней части корпуса виднелась маленькая царапина.

Отец когда-то сказал, что дерево тоже умеет стареть красиво.

Вера поднялась на невысокий стул и осторожно сняла часы со стены.

Они оказались тяжелее, чем она ожидала.

Она перенесла их на стол и поставила рядом с фотографией отца.

На секунду ей показалось, что так правильно.

Словно две вещи, слишком долго находившиеся порознь, наконец встретились.

— Ну что, пап, — тихо сказала она. — Попробуем разобраться?

Разумеется, никто не ответил.

Вера взяла мягкую салфетку и протёрла стекло.

Потом повернула часы, разглядывая заднюю стенку.

Старое дерево пахло лаком и пылью.

На одном из креплений виднелся маленький латунный винт, заметно отличавшийся от остальных.

Вера нахмурилась.

Она не помнила, чтобы кто-то ремонтировал часы после смерти отца.

Может быть, мать всё-таки приглашала мастера?

Она попыталась открыть заднюю крышку, но та не поддалась.

— Ладно, — пробормотала Вера. — Не будем ломать то, что и без меня сломано.

Она поставила часы лицом вверх.

И в этот момент услышала звук.

Тихий.

Почти неслышный.

Тик.

Вера замерла.

Посмотрела на стрелки.

Ничего.

Она наклонилась ближе.

Тик.

На этот раз звук был отчётливее.

Как будто внутри деревянного корпуса что-то осторожно пробовало проснуться.

Вера выпрямилась.

— Этого не может быть.

Она знала, как устроена память.

Иногда человек слышит то, что слишком долго ожидал услышать.

Иногда знакомый запах возникает там, где его нет.

Иногда в тишине кажется, будто кто-то зовёт по имени.

Но часы…

Она смотрела прямо на них.

Секундная стрелка дрогнула.

Едва заметно.
Потом ещё раз.
И сдвинулась на одно деление.
Вера отступила.
В комнате стало необыкновенно тихо.
Даже шум машин за окном словно удалился.
Тик.
Так.
Стрелка сделала ещё одно движение.
Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.
Она не верила в привидения.
Не верила в предзнаменования.
И уж точно не верила в то, что старые часы способны помнить человека.
Но сейчас перед ней происходило нечто, чему она не находила объяснения.
Часы шли.
Всего несколько секунд.
А затем остановились.
Вера наклонилась к циферблату.
Стрелки вновь показывали три часа семнадцать минут.
Она долго стояла неподвижно.
Потом резко рассмеялась.
Смех вышел коротким и неприятным.
— Отлично. Просто замечательно. Теперь у меня ещё и часы разговаривают.
Она попыталась объяснить случившееся.
Может быть, при переносе сдвинулся механизм.
Может быть, внутри оставалось напряжение старой пружины.
Может быть, стрелка вообще не двигалась, а ей только показалось.
Всё могло быть.
Кроме одного.
Вера отчётливо слышала тиканье.
И этот звук разбудил воспоминание, которого она не ожидала.
Ей было лет восемь.
Отец сидел за кухонным столом и чинил маленький будильник.
Вера устроилась рядом, подперев подбородок ладонями.
— Пап, а куда уходит время?
— Какое?
— Ну, которое прошло.
Николай Андреевич задумался.
Он никогда не отмахивался от её вопросов, даже самых странных.
— А ты как думаешь?
— Оно исчезает.
— Совсем?
— Наверное.
Отец покачал головой.
— Мне кажется, ничего важного не исчезает совсем.
— Даже вчера?
— Даже вчера.
— А где оно тогда?
Он коснулся пальцем её лба.

— Немного здесь.

Потом положил ладонь ей на грудь.

— И немного здесь.

— А в часах?

Отец улыбнулся.

— В часах мы только считаем время, воробей. Хранить его приходится самим.

Вера тогда решила, что это очень несправедливо.

Почему нельзя придумать такие часы, которые возвращали бы вчерашний день?

Например, чтобы ещё раз съесть мороженое.

Или не получить двойку.

Или снова услышать, как папа смеётся.

Последняя мысль пришла к ней уже сейчас.

В тридцать восемь лет.

И оказалась такой острой, что Вера вынуждена была сесть.

Телефон завибрировал на столе.

На экране появилось сообщение от Алисы.

«Мам, ты сегодня поздно?»

Вера посмотрела на часы в верхнем углу телефона.

Половина пятого.

Она провела в квартире почти три часа, хотя собиралась задержаться не больше чем на сорок минут.

«Не знаю. Я у бабушки», — написала она.

Ответ пришёл быстро.

«Понятно».

Вера набрала:

«Ты поела?»

Посмотрела на сообщение.

Стерла.

Написала:

«Как дела в школе?»

Снова стерла.

Наконец отправила:

«Я скоро буду».

Несколько секунд на экране светились три маленькие точки.

Алиса что-то печатала.

Потом точки исчезли.

Ответа не было.

Вера положила телефон экраном вниз.

Ей вдруг захотелось позвонить дочери и сказать что-нибудь совсем простое.

Например: «Я скучаю».

Но эти слова показались ей неожиданно трудными.

Словно существовал какой-то внутренний запрет на нежность, если она не сопровождалась полезным советом.

Надень шапку.

Поешь.

Не задерживайся.

Позвони, когда доберёшься.

Она умела заботиться.

Но совершенно разучилась говорить о любви.

И теперь, сидя в материнской квартире, Вера впервые подумала, что, возможно, Нина Павловна тоже всю жизнь пыталась сказать ей нечто гораздо большее, чем «не забудь шарф».

К вечеру за окном начало темнеть.

Вера сложила несколько старых журналов в пакет, перебрала лекарства в кухонном шкафу, выбросила засохшие цветы из вазы.

Часы она решила пока не трогать.

Пусть полежат на столе.

Завтра она найдёт мастера.

Хорошего.

Такого, который умеет обращаться со старыми механизмами и не предложит сразу заменить всё внутри на современную начинку.

Вера уже собиралась уходить, когда заметила на комоде тонкую записную книжку.

Тёмно-зелёная обложка.

Потёртые уголки.

Материнский почерк.

На первой странице были номера телефонов: поликлиника, аптека, соседка Валентина Сергеевна.

Дальше — короткие записи о покупках, датах приёма лекарств, днях рождения.

Вера перелистывала страницы без особого интереса.

И вдруг остановилась.

На одном из листов было написано:

«Если часы снова пойдут — обратиться к Аркадию Семёновичу».

Ниже стоял адрес.

И ещё одна строка, выведенная более мелкими буквами:

«Он знает, почему нельзя было их останавливать».

Вера перечитала запись.

Потом ещё раз.

Она не понимала.

Часы давно стояли.

Мать запрещала их чинить.

Почему же теперь писала о том, что их нельзя было останавливать?

И кто такой Аркадий Семёнович?

Имя казалось смутно знакомым.

Возможно, отец когда-то его упоминал.

Вера закрыла книжку.

Посмотрела на часы.

Стрелки не двигались.

Три семнадцать.

Как всегда.

Она положила записную книжку в сумку.

Завтра она обязательно поедет по указанному адресу.

Но прежде чем уйти, почему-то вернулась к столу.

Провела ладонью по деревянному корпусу часов.

— Если ты хотел мне что-то сказать, пап, — прошептала она, — почему не сказал тогда?

Вопрос прозвучал в пустой комнате.

И остался без ответа.

Вера выключила свет.

Закрыла дверь.

Спустилась по лестнице.

А в квартире, где больше никого не было, старые часы тихо щёлкнули.
Один раз.
Словно кто-то внутри механизма повернул невидимый ключ.

Глава третья. Часовщик, который помнил её отца

Иногда мы ищем человека, который поможет нам исправить сломанную вещь. И не подозреваем, что на самом деле ищем того, кто знает, где однажды сломалась наша жизнь.

Утром Вера проснулась раньше будильника.

За окном ещё не рассвело. Ноябрьское небо висело над городом низко и тяжело, словно за ночь кто-то опустил его на несколько этажей.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь к звукам квартиры.

На кухне негромко гудел холодильник. За стеной соседи собирались на работу. Где-то внизу хлопнула подъездная дверь.

Обычное утро.

И всё же что-то было не так.

Вера не сразу поняла, что именно.

Ей снились часы.

Не те большие, настенные, что висели в материнской гостиной. Другие — маленькие, карманные, с серебряной крышкой.

Во сне они лежали на чьей-то раскрытой ладони.

Она не видела лица человека, только длинные пальцы, тёмный рукав и тонкую цепочку, свисавшую между ними.

— Не всё, что остановилось, умерло, — произнёс незнакомый голос.

Потом крышка часов открылась.

Стрелки показывали три часа семнадцать минут.

Вера проснулась прежде, чем успела спросить, что это значит.

Теперь она сидела на краю кровати и пыталась вспомнить голос.

Низкий.

Спокойный.

Немного усталый.

На отцовский не похож.

Но почему-то знакомый.

На кухне сидела Алиса.

Перед ней стояла кружка чая и лежала раскрытая тетрадь. Волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались светлые пряди.

Вера остановилась в дверях.

Дочь редко вставала так рано без особой причины.

— Ты чего не спишь?

— Готовлюсь.

— К чему?

— К пробному экзамену.

Вера кивнула.

На холодильнике висел магнит с фотографией Алисы в десятилетнем возрасте. Девочка с двумя косичками стояла у моря, прижимая к груди огромную ракушку.

Когда-то Алиса рассказывала матери обо всём.

О том, кто с кем поссорился в школе.

О странных снах.

О первой влюблённости.

О том, почему облака иногда напоминают животных.

Теперь Вера узнавала о её жизни случайно, по обрывкам фраз.

— Я сегодня ненадолго уеду, — сказала она.

— Хорошо.

— К бабушке. Потом к часовщику.

Алиса подняла глаза.

— К какому часовщику?

— Нашла у бабушки адрес. Хочу показать ему старые часы.

— Те, которые стояли?

— Да.

— Бабушка же не разрешала их трогать.

Вера удивилась.

— Ты помнишь?

— Конечно. Я однажды хотела их завести. Она так испугалась, что даже накричала на меня.

Вера медленно поставила чайник на плиту.

— Когда это было?

— Не знаю. Мне лет девять, наверное.

Восемь лет назад.

— Что именно она сказала?

Алиса задумалась.

— Что часы должны оставаться такими, какие есть.

— И всё?

— Кажется, ещё сказала: «Не буди то, что наконец уснуло».

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Ты уверена?

— Мам, мне было девять. Я не записывала.

Она снова опустила глаза к тетради.

Вера хотела спросить ещё что-нибудь, но остановилась.

Дочь не обязана была помнить каждое слово бабушки.

— Ты позавтракаешь? — спросила Вера.

Алиса едва заметно улыбнулась.

— Уже завтракаю.

Вера посмотрела на её кружку и тетрадь.

— Я имела в виду что-нибудь нормальное.

— Знаю.

Они обе замолчали.

Раньше в такие моменты Вера непременно начала бы объяснять, что чай — не завтрак, что растущему организму необходима полноценная еда и что потом Алиса опять будет жаловаться на головную боль.

Но сегодня ей вдруг вспомнились слова матери:

«Не сиди у окна, простудишься».

И она сказала другое:

— Я могу сделать тебе омлет.

Алиса подняла голову.

— Можешь.

Это было совсем маленькое согласие.

Но Вера почему-то почувствовала благодарность.

Материнская квартира встретила её неподвижной тишиной.

Вера открыла дверь, прошла в гостиную и остановилась.

Часы лежали на столе.

Именно там, где она оставила их вчера.

Ничего необычного.

Никаких звуков.

Никаких движений стрелок.

Она почти рассердилась на себя за вчерашний страх.

В конце концов, старый механизм мог случайно сдвинуться. Не стоило искать тайну там, где существовало простое техническое объяснение.

Вера завернула часы в плотное полотенце, которое нашла в шкафу, и осторожно уложила в большую сумку.

Потом достала материнскую записную книжку.

Адрес был написан чётко, без сокращений.

Небольшая улица в старой части города.

Вера знала этот район, хотя не бывала там много лет.

Когда-то отец водил её туда по воскресеньям.

Они заходили в булочную, покупали горячие рогалики с маком, а потом долго гуляли между старыми домами.

Отец любил рассматривать фасады.

— Видишь, воробей, — говорил он, — у каждого дома своё лицо. Только люди редко поднимают голову, чтобы его разглядеть.

Вера тогда смеялась.

Ей казалось, что взрослые вообще любят говорить странные вещи, особенно когда не знают, чем развлечь ребёнка.

Теперь она вдруг подумала, что отец, возможно, видел в мире гораздо больше, чем успел ей объяснить.

Улица оказалась уже, чем Вера помнила.

По обеим сторонам стояли старые дома с высокими окнами и облупившейся лепниной. Мокрые листья прилипали к тротуару. Над крышами тянулись тонкие провода.

Она прошла мимо небольшой аптеки, вывеска которой выглядела так, словно её не меняли лет сорок.

Рядом находился закрытый книжный магазин.

За пыльным стеклом темнели пустые полки.

Между аптекой и магазином обнаружилась узкая дверь.

Над ней висела потемневшая вывеска:

«А. С. Часовых дел мастер»

Вера остановилась.

Странно.

Она не помнила этой мастерской.

Хотя была почти уверена, что когда-то проходила здесь с отцом.

На двери висел маленький колокольчик.

Вера толкнула её.

Колокольчик звякнул.

И она вошла в место, где время, казалось, существовало по собственным законам.

Первое, что она услышала, было тиканье.

Не одного механизма.

Десятков.

Сотен.

Тонкие, тяжёлые, звонкие, приглушённые звуки переплетались друг с другом, образуя удивительную музыку.

На стенах висели часы всех размеров.

Высокие напольные, с резными деревянными корпусами.

Маленькие кухонные, украшенные выцветшими цветами.

Круглые, квадратные, овальные.

Часы с римскими цифрами.

Часы без цифр.

Часы, стрелки которых напоминали тонкие птичьи крылья.

На полках стояли будильники, карманные часы и крошечные механизмы под стеклянными колпаками.

В воздухе пахло старым деревом, машинным маслом, пылью и чем-то сладковатым — возможно, засушенными травами.

Вера сделала несколько шагов.

Ей показалось, что звуки меняются в зависимости от того, где она стоит.

Возле двери они сливались в ровный шум.

У окна становились похожими на дождь.

А возле длинного деревянного прилавка вдруг возникало ощущение, будто кто-то очень тихо произносит слова на незнакомом языке.

— Доброе утро.

Голос раздался из глубины мастерской.

Вера обернулась.

Из-за высокого стеллажа вышел пожилой мужчина.

Невысокий, худощавый, с прямой спиной и внимательными серыми глазами.

На нём был тёмный жилет поверх светлой рубашки. Рукава аккуратно закатаны. В нагрудном кармане виднелась тонкая цепочка.

Его волосы были почти совсем седыми.

Но больше всего Веру удивили руки.

Длинные пальцы.

Точные, неторопливые движения.

Такие руки, казалось, никогда ничего не делали случайно.
— Здравствуйте, — ответила она. — Вы Аркадий Семёнович?
— Да.
— Мне нужно показать вам часы.
Мужчина посмотрел на сумку, которую она держала обеими руками.
На мгновение его лицо изменилось.
Совсем немного.
Будто он увидел не сумку, а что-то давно ожидаемое.
— Проходите, Вера.
Она замерла.
— Простите?
— Поставьте сумку сюда. Здесь будет удобнее.
— Откуда вы знаете моё имя?
Часовщик посмотрел на неё.
В его глазах не было удивления.
— Вы очень похожи на отца.
Вера почувствовала, как сердце сделало тяжёлый удар.
— Вы знали моего отца?
— Знал.
— Николая Андреевича?
— Да.
Аркадий Семёнович помолчал.
— Мы когда-то работали вместе. А потом стали друзьями.
Вера медленно поставила сумку на прилавок.
— Мама никогда о вас не рассказывала.
— Нина Павловна вообще не любила рассказывать о том, что причиняло ей боль.
Он произнёс это без осуждения.
Словно знал о её матери нечто такое, чего Вера никогда не замечала.
— Вы знали и маму?
— Конечно.
— Тогда почему я вас не помню?
Часовщик чуть улыбнулся.
— Дети редко запоминают друзей родителей, если те не приносят подарков.
— А вы не приносили?
— Приносил. Однажды деревянную птицу.
Вера нахмурилась.
Что-то мелькнуло в памяти.
Маленькая птица с подвижными крыльями.
Она висела над её кроватью, когда Вера была совсем маленькой.
Если потянуть за ниточку, крылья начинали двигаться.
— Это были вы?
— Значит, вспомнили.
Вера посмотрела на него с новым чувством.
Перед ней стоял человек, который знал её отца живым.
Не по фотографиям.
Не по воспоминаниям матери.
Он мог помнить его смех.
Его привычки.
Его голос.

И почему-то от этого стало страшнее, чем от вчерашнего тиканья часов.

— Покажите, что вы принесли, — мягко сказал Аркадий Семёнович.

Вера развернула полотенце.

Положила старые настенные часы на деревянную поверхность.

Часовщик не прикоснулся к ним сразу.

Он смотрел.

Долго.

Слишком долго для человека, которому принесли обыкновенную сломанную вещь.

— Я думал, Нина их уничтожила, — наконец произнёс он.

Вера подняла голову.

— Что?

Аркадий Семёнович словно очнулся.

— Простите. Неудачно выразился.

— Почему вы так сказали?

Он не ответил.

Осторожно повернул часы к свету.

Провёл пальцем по маленькой царапине на нижней части корпуса.

— Николай любил эти часы.

— Он говорил, что это сердце нашего дома.

Часовщик улыбнулся.

Но улыбка получилась печальной.

— Да. Очень на него похоже.

Вера почувствовала неожиданное тепло.

Человек напротив помнил ту же фразу.

Значит, она не придумала её.

Не украсила прошлое.

Не превратила отца в идеального человека только потому, что его больше не было.

— Они остановились в ночь его смерти, — сказала она.

Аркадий Семёнович не поднял глаз.

— Я знаю.

— В три семнадцать.

— Знаю.

— Но вчера они вдруг пошли.

Пальцы часовщика замерли.

В мастерской продолжали тикать сотни механизмов.

И всё же Вере показалось, что на несколько секунд наступила тишина.

— Что значит «пошли»? — спросил он.

— Сначала я услышала один щелчок. Потом тиканье. Секундная стрелка двигалась. Недолго. А затем они снова остановились.

— Вы пытались их завести?

— Нет.

— Поворачивали ключ?

— У меня даже нет ключа.

— Открывали механизм?

— Пыталась снять заднюю крышку. Но не получилось.

Аркадий Семёнович выдохнул.

Так тихо, что Вера едва заметила.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что не получилось.

Вера смотрела на него.

— Вы можете объяснить, что происходит?

Часовщик поднял глаза.

— Пока я не знаю, что именно произошло вчера.

— Но вы знаете эти часы?

— Да.

— И знаете, почему мама запрещала их заводить?

Он помолчал.

— Нина оставила вам записку?

— В своей книжке.

— Что там написано?

Вера достала телефон и показала фотографию страницы, которую сделала накануне.

Аркадий Семёнович прочитал обе строки.

«Если часы снова пойдут — обратиться к Аркадию Семёновичу».

«Он знает, почему их больше нельзя заводить».

Лицо его стало неподвижным.

— Значит, она всё-таки решила, что вы должны меня найти.

— Что это значит?

Часовщик осторожно положил телефон на прилавок.

— Это значит, Вера, что ваша мать, возможно, гораздо дольше, чем вы думаете, пыталась вас защитить.

Вера почувствовала знакомое раздражение.

— От чего? От старых часов?

— Не только от них.

— Тогда от чего?

Он не ответил сразу.

Вместо этого достал из ящика небольшой инструмент и осторожно открыл заднюю крышку механизма.

Вера наклонилась ближе.

Внутри виднелись потемневшие шестерёнки, тонкие пружины и несколько латунных деталей.

Часовщик осмотрел их через увеличительное стекло.

Потом нахмурился.

— Странно.

— Что?

— Здесь кое-чего не хватает.

— Какой-то детали?

— Да.

— Поэтому они не работают?

— При обычных обстоятельствах — именно поэтому они и не должны работать.

Вера не сразу поняла смысл его слов.

— Но вчера работали.

Аркадий Семёнович посмотрел на неё.

— Вот именно.

Пока часовщик изучал механизм, Вера медленно прошлась вдоль стены.

Её внимание привлекли часы под стеклянным колпаком.

Небольшие.

С тёмным циферблатом и тонкими золотистыми стрелками.

В отличие от остальных часов мастерской они не тикали.

Вера подошла ближе.

Стрелки показывали три часа семнадцать минут.

Она почувствовала неприятный холод в груди.

— Аркадий Семёнович…

— Да?

— Почему эти часы стоят?

Он не обернулся.

— Не все часы здесь предназначены для того, чтобы показывать время.

Вера нахмурилась.

— А для чего тогда?

— Некоторые напоминают о том, что мы не сумели сохранить.

Она посмотрела на него.

— Они тоже остановились в три семнадцать?

Теперь часовщик повернулся.

Его взгляд на мгновение задержался на стеклянном колпаке.

— Да.

— Когда?

— Давно.

— В ту же ночь, когда умер мой отец?

Аркадий Семёнович ничего не сказал.

Но Вере вдруг стало ясно: он услышал вопрос, которого боялся.

Она вернулась к прилавку.

— Вы что-то скрываете.

— Возможно.

Ответ был настолько неожиданным, что Вера растерялась.

— И даже не собираетесь отрицать?

— Я слишком стар для бесполезной лжи.

— Тогда скажите правду.

Часовщик снял увеличительное стекло.

— Правда, Вера, редко бывает одной фразой. Иногда она состоит из множества событий, которые люди помнят по-разному.

— Я не ребёнок.

— Я вижу.

— Мне тридцать восемь лет. Мой отец умер двадцать два года назад. Мама умерла совсем недавно. Я всю жизнь прожила рядом с этой историей и ничего о ней не знаю. Разве этого недостаточно, чтобы наконец услышать правду?

Аркадий Семёнович посмотрел на неё с такой печалью, что Вера почувствовала себя неловко.

— Достаточно, — тихо ответил он. — Более чем.

Он закрыл механизм.

— Но сначала мне нужно понять, почему часы снова подали голос.

— Вы говорите о них как о живых.

— А разве вы вчера не сделали того же самого?

Вера хотела возразить.

И не смогла.

За окном начался дождь.

Мелкие капли стекали по старому стеклу.

Аркадий Семёнович поставил на прилавок две чашки чая.

Вера даже не заметила, когда он успел его приготовить.

— Ваш отец любил чай с чабрецом, — сказал часовщик.

Она взяла чашку.

Запах был знакомым.

Настолько знакомым, что на секунду ей показалось, будто она снова сидит на кухне своего детства.

— Мама тоже его заваривала, — прошептала Вера.

— Знаю.

— Вы часто виделись после папиной смерти?

— Не так часто, как следовало бы.

— Почему?

Аркадий Семёнович посмотрел в окно.

— Иногда люди, пережившие одну трагедию, становятся друг для друга слишком тяжёлым напоминанием.

Вера долго молчала.

Потом спросила:

— Вы были рядом, когда он умер?

Часовщик медленно поставил чашку.

— Да.

— Мама говорила, что ему стало плохо ночью.

— Так и было.

— И вы приехали?

— Приехал.

— Почему?

Вопрос повис между ними.

Аркадий Семёнович провёл ладонью по краю стола.

— Николай позвонил мне незадолго до этого.

— О чём вы говорили?

— О вас.

Вера почувствовала, как сжалось горло.

— Обо мне?

— Да.

— Что он сказал?

Часовщик посмотрел на старые часы.

— Что очень боится не успеть с вами помириться.

Вера опустила глаза.

Она вдруг снова увидела школьную сцену.

Пустое кресло.

Своё праздничное платье.

Отца, стоявшего за дверью её комнаты.

И услышала собственный шестнадцатилетний голос:

«Я тебя ненавижу!»

Она столько лет старалась не вспоминать эти слова.

Но теперь они прозвучали с такой ясностью, будто были сказаны вчера.

— Я тогда наговорила ему ужасных вещей, — прошептала Вера.

Аркадий Семёнович не стал её утешать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.